

Е. Д. Елизаров

Единство мира и начала творчества

В статье рассматриваются особенности и механизмы восприятия действительности, условия формирования и содержание чувственного образа, организация практического взаимодействия с миром, функции знаковых форм коммуникации в его познании.

Ключевые слова: чувственный образ; нервная система; соматическая ткань; организация управления; роль знаковых систем; электромагнитное излучение; фундаментальная частица; мгновенное ускорение

Елизаров Евгений Дмитриевич

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Доцент кафедры гуманитарных и философских наук.

Кандидат экономических наук.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.

E-mail: ffeed@mail.ru

Evgeniy Yelizarov

Unity of the World and Beginning of Creativity

The article examines features and mechanisms of reality perception, conditions for the formation and content of a sensual image, organization of practical interaction with the world, and functions of communication symbolic forms in its cognition.

Keywords: sensual image; nervous system; somatic tissue; management organization; role of sign systems; electromagnetic radiation; fundamental particle; instant acceleration

Yelizarov Evgeniy

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.

Associate Professor of the Department of Humanities and Philosophy.

PhD in Economics.

Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.

E-mail: ffeed@mail.ru

Введение

Мир един. Его законы действуют одинаково в любой точке. Это принимается нами как данность, как нечто, не требующее никаких доказательств, как аксиома. Сравнительно недавно сомнение было невозможно, ибо все сущее предопределялось замыслом Создателя. Но и сегодня мы руководствуемся такой же верой,

пусть и в другое... Словом, единство мира – это, возможно, самое таинственное во всех наших учениях. К тому же и самое опасное, ибо мы не вправе безоглядно доверять тому, что открывается нашим приборам, сканирующим пространство, методикам, позволяющим прогнозировать даже послезавтрашний ход истории, записям на каких-то скрижалях. Допустимо ли безоглядно доверять любым из них: « $2+2=4$ », « $E=mc^2$ », «Петька дурак», «Зенит чемпион»?..

Если нет никакого переноса сигнала от центра системы к периферии и обратно, равно как и связи каждого ее сегмента со всеми и всех с каждым, единое не может не распасться. Отсутствие обмена между всеми сферами единого делает невозможной и творческую мысль, исключает любую форму фундаментального знания. Поэтому вопрос о том, как соотносится чувственное восприятие действительности с достижениями наук, искусств, ремесел, как творческая мысль позволяет видеть невидимое, соединять разнесенное во времени и в пространстве, остается актуальным.

Состоятельна ли наша вера в единство мира? Критерий истины – практика? Не она ли долгое время служила укреплению веры в единого Создателя? Возможно, искать ответ придется еще не одно столетие, в стороне не может остаться и гуманитарная мысль.

1

Творчество – это деятельность, результат которой уникален. Вместе с тем едва ли это понятие скрывает в себе что-то надприродное или просто над-человеческое. Скорее, это особая форма сочетаний реально существующих или когда-то существовавших в мире вещей, свойств, отношений. Все новое в любом памятнике культуры – это только генеральный план новой сборки чего-то уже известного. Уникальные результаты такой сборки являют все искусства, науки, технологии. Иначе говоря, мы понимаем, что рождение всех артефактов обязано природе, но понимаем лишь в каком-то «конечном счете». Причастность же одаренной личности лежит на поверхности вещей, это своеобразный императив нашего сознания. Феномен «божественного

дара» – вот что составляет основу всех открытий, и не будь его, история давно бы уже застыла. Собственно, не было бы и самой истории. Трудно спорить с тем, что таким даром обладают лишь единицы, и все же способностью к творчеству наделен каждый. Выскажемся еще категоричней: способность к творчеству – это и есть ключевое определение человека.

Принципиальная неотделимость творчества от организации психики не вызывает сомнений. Но вот вопрос: может ли человек, будучи изолированным от всего, что сделано и делается другими, самостоятельно создать хоть что-нибудь? Возможно ли творчество в коммуникационном вакууме, где нет ни общения с другими, ни обращения к книгам, выставкам, кинофильмам?.. Впрочем, речь идет не только о неожиданном явлении миру результатов творческого горения замкнутого в себе гения. Может ли в его собственном сознании вспыхнуть что-то такое, что не имело бы никакого отношения к уже сложившейся культуре? Способно ли коммуникационное «ничто» породить «не-что», как сказано в «Облаке в штанах»: «...какое-то, / в муках ночей рожденное слово, / величием равное Богу»? Думается, каждый ответит на этот вопрос категорическим отрицанием: вне сигнальных систем, вне общения невозможно создать ничего, кроме, может быть, самых примитивных, на уровне земляного червя, представлений о мире.

Меж тем пределы творческого поиска простираются до границ Мироздания, и это обстоятельство не может не порождать мысль о том, что не один Господь, но и сам человек причастен к его сотворению. В той или иной мере над этим задумывались столетия назад. Еще Кант провозгласил, что рассудок «не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» [11, с. 44]. Вслед за ним Фихте утверждал, что исключительно через человека распространяется господство правил до границ его наблюдения, и насколько он продвигает эти границы, продвигаются дальше порядок и гармония; только благодаря ему держатся вместе мировые тела, через него вращаются светила по указанным им путям. До сих пор такой взгляд вызывает

возражение материалистической мысли, но до конца опровергнуть его ей не удается.

2

Никакое созидание невозможно вне знаковых систем, связующих каждого со всеми. Да, творчество – это всегда выход к чему-то новому. Но ведь и инструментом взлома старых границ наследуемой человеком культуры выступают они же.

Еще в 1932 г. И. П. Павловым были введены в научный оборот представления о первой и второй сигнальных системах. К первой он относил условно-рефлекторные связи, которые формируются в коре больших полушарий головного мозга при воздействии таких раздражителей, как свет, звук, боль и т. п. «Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, как общеприродной, так и от нашей социальной, *исключая слово, слышимое и видимое* (курсив мой. – Е. Е.). Это первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными» [15, с. 336]. Вторая – это система условно-рефлекторных связей, возникающая благодаря речевым сигналам. Иначе говоря, нечто надстроечное, порождаемое не внешним предметом или событием, а их заместителем: «...Слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов» [15, с. 336]. Вторая сигнальная система – это «высший регулятор человеческого поведения», она встает над первой и начинает доминировать над ней.

Но все же в конечном счете над человеком господствует творческое начало, лишь оно способно порождать и новые ценности, и новые формы не только его собственного бытия. В разных своих проявлениях оно подчиняет себе и человека, и всю, не исключая материальную, культуру его социума. Механическое же повиновение рефлексу способно лишь к такому же механическому воспроизводству уже известного. Отсюда и формы знаковой коммуникации, призванные опосредовать руководимое рефлексом и воспламененное искрой созидания, должны содержать в себе существенные отличия.

Разумеется, обеим формам присуще общее – возможность указать на что-то реально существующее. Пусть не «здесь и сейчас», но хотя бы в природе «вообще»: так, в речи мы свободно оперируем материалом, отсутствующим под рукой. Принципиальные же отличия фундаментальны: лишь Слово способно породить то, чему в принципе нет места в измерениях пространства и времени, чему еще только предстоит явиться на свет, пусть не во плоти, но в знаковых системах. Например, уже известную едва ли не всем русскоговорящим детям «глокую куздру» или еще не созданную «теорию всего», аналог философского камня, поисками которого занята современная физика, и многое другое. А это значит, что вторая сигнальная система не может не распадаться на две части, каждая из которых отличается от другой, и там, где содержание знака выходит за пределы реально существующего, допустимо говорить о «надстроечном» ее измерении. А то и вообще о третьей сигнальной системе [8, с. 42–49].

Даже там, где работают сложно устроенные машины, которые рождаются в головах одиночек, не возникает ничего нового. Еще Маркс, рассуждая о революциях в развитии производительных сил, утверждал, что машина способна взять на себя не только энергетическую и транспортную, но и технологическую функцию [10, с. 385]. Между тем, технологическая функция – это не что иное, как поставленное на поток воспроизводство того, что впервые является миру благодаря знаковым системам. То есть порождаемым прежде всего ими каких-то новых алгоритмов объект-объектных взаимодействий. Словом, и здесь речь может идти только о воспроизводстве, но никакое воспроизводство не является первосозданием. Добавим, что и сегодня те из искусственных устройств, которые заняты обработкой больших объемов информации, способны лишь на специфическую перегруппировку отдельных ее элементов и блоков. Изолированная же от оператора и поставленной перед ним цели никакая информационная машина не в состоянии породить нечто новое. Искусственный интеллект (ИИ)? Но ведь и тот невозможен в информационном вакууме; его инструментарий – это появившиеся задолго до него системы ценностей, базы дынных, наконец, программы их обработки.

Не станем множить примеры за очевидностью: до сих пор главное в любой исследовательской лаборатории не ее инструментарий и даже не наработанные ею методики, но специально «заточенный» на поиск неожиданного исследователь. Кстати, нередко им оказывается человек со стороны. Так, Марсден под руководством Гейгера первым обнаружил отклонение на значительный угол альфа-частиц, проходящих сквозь золотую фольгу, [5, с. 171]. Исследователи опубликовали результаты, но нужен был Резерфорд, чтобы осознать: существующие представления об атоме ошибочны и их необходимо радикально пересмотреть. Только появление его гипотезы о том, что отклонения вызваны прохождением частиц вблизи некой положительно заряженной массы, размеры которой много меньше атома, стало рождением ядерной физики.

Даже там, где в обнаружении нового значительную роль играет созданное человеком устройство, его функция остается вспомогательной и строго репродуктивной. Само по себе оно не создает ничего, и не будет преувеличением сказать, что весь порождаемый человеком инструментарий по большому счету мало чем отличается от простой палки, которой вооружалась «выходящая в люди» обезьяна. Но ведь не палке же сметливое животное обязано своим восхождением на ту эволюционную ступень, где постижение последних тайн бытия становится его же, бытия, главной целью. Кстати, слепой стихии тоже по силам породить каменный отщеп, отломить сук, сформировать нечто округлое. Но появлению первого ножа, рычага, колеса и прочих диковин цивилизация обязана вовсе не ей, но человеку с его наблюдательностью и опытом. ИИ же изначально существует только в среде знаковых систем. Да, он может многое (сегодня шахматный компьютер побеждает даже чемпионов мира), но без специальных программ и каталогов всех сыгранных лучшими гроссмейстерами партий не способен даже на то, чтобы колоть игрокам орехи.

Но оставим ИИ, не исключено, что постигать его сущность придется уже новым поколениям. Ограничимся замечанием: пусть

возможный конфликт с человеческим разумом и способен навести на мысль о субъектности информационной машины, она работает в поле созданных человеком языков. Ни одно из искусственных устройств не в состоянии самостоятельно вывести формулу получения чего-либо нового. Каждый шаг в восхождении на более высокую ступень всеобщего развития (а именно им становится любое открытие) совершается лишь благодаря творческой мысли человека и работе создаваемых им же знаковых систем. Благодаря собирательному Слову, которое сегодня вбирает в себя и языки программирования.

Здесь и кроется самый глубокий парадокс новой формы жизни: в конечном счете все в многообразии нашей культуры является сплетением материальных начал, форм сочетания физических явлений, но ни одно из них не в состоянии породить нечто надприродное. Только Слово становится порталом в действительность новых форм всеобщей истории природы. Но важно понять: никакая знаковая система не оперирует вещами или их свойствами, единственным ее предметом является связь вещей. Иными словами, что-то такое, что не поддается решительно никакому восприятию ни одним из человеческих чувств, что-то надмирное.

Остается добавить: уже вторая сигнальная система не только и не столько служит общению индивидов, но и является ключевым элементом межпоколенного обмена, грандиозной эстафеты, позволяющей передавать во времени и пространстве информационный код развития нового субъекта всеобщей истории природы [9, с. 3–31]. Тем более это касается третьей.

Возможность неограниченного тиражирования уже полученных знаний имеет много достоинств, Но простое повторение известного имеет и свои недостатки. За пределы заученных значений невозможно выйти, и если бы все содержание человеческого общения сводилось ко второй сигнальной системе, перспектива развития была бы исключена. В свою очередь, и творчество невозможно вне знаковых форм. А значит, та коммуникация, которая формируется и над первой, и над второй системой, кроме указания на отсутствующие здесь и сейчас вещи, обязана породить нечто

такое, что способно выводить человека в сферу принципиально новых явлений. Или придавать новый смысл старым понятиям. Сегодня механизмы творчества, несмотря на то, что именно оно лежит в основе созидания, не известны. Но в любом случае речь должна идти либо о «недокументированных опциях» второй системы, либо вообще о третьей.

Материализованный продукт второй системы (чертеж, технологический рецепт и т. п.) доступен переводу на язык машинных команд. Продукт третьей, Слово, – уникален: ни он сам, ни способ его формирования (а значит, и передачи другому) не могут быть зафиксированы ни в чем вещественном и ни в чем конечном, однозначно понимаемом всеми. Алгоритмизировать рождение новой культурной ценности невозможно, в противном случае мы уже давно «вычислили» бы все наше будущее. Но там, где она появляется на свет, открывается возможность ее воплощения в материале и последующего тиражирования. Другими словами, любое порождение третьей сигнальной системы со временем становится достоянием второй.

С третьей сигнальной системой мы сталкиваемся повсюду, где воплощается результат творчества, только она выводит человека в новые измерения создаваемого им мира. Обыденный пример иллюстрирует отличия между всеми тремя. Воспринимаемая нами россыпь типографских знаков активизирует первую, сюжетная линия повествования – большей частью лишь вторую. Но собственно художественный образ не сводится ни к каким сюжетным построениям, а значит, в этой терминологии может быть создан (и прочитан) только с помощью третьей, ключевым инструментарием которой является не активность наших рецепторов (во всяком случае, не только она), но нечто недоступное биологическим реалиям.

Впрочем, с третьей сигнальной системой мы встречаемся не только на выставках и в музеях, она включается в действие всякий раз, когда мы сталкиваемся с любой формой нового, в том числе и с усвоением любого учебника. Ее способность формировать и переводить на язык осмысленных действий новые знаки

становится высшим достижением природы, в свою очередь, умение оперировать ими – высшим даром, который ниспосылается самому человеку.

3

Еще Кант установил, что сознание имеет дело не с ноуменом, существующим вне и независимо от познающего субъекта, но исключительно с продуктом человеческой культуры – феноменом [11, с. 185–196]. Фихте вслед за ним будет утверждать, что без исключения все представления являются порождением «трансцендентального эго», то есть познающего субъекта. Для него не существует никакой «вещи в себе», напротив, сам человек является единственным ее источником, ее демиургом; без субъекта нет объекта, без объекта нет субъекта. И сегодня, говоря о нашем отношении к миру, о никогда не прерывающейся чувственной связи с ним, важно понимать: мы воспринимаем картину мироздания не глазами, не ушами и пр. Ни один из органов чувств не способен обнаружить ничего из существующего за анатомическими границами нашего тела. Любой его терминал – это терминал всего организма, ни одна из частных его подструктур не остается безучастной ни в каком сенсорном контакте с внешним окружением. Но и тело, не вобравшее в себя ничего от Слова, от собирательной культуры своего социума, неспособно ни к чему.

Справедливо утверждать: любой орган чувств – это своего рода иллюминатор, через который мы, не всегда сознавая, вглядываемся вовсе не в отдельно взятый фрагмент целого, но в весь мир без изъятия. Всякий раз отдельно взятый предмет, свойство, действие оказывается не изолированной единицей какого-то необъятного множества, но неким фильтром, в цвета которого окрашивается Целое. Перед нами встает все Мироздание, просто каждый раз в каких-то специфических формах.

И еще: нам предстает все, но далеко не во всех его измерениях. Опознается только то, что уже погрузилось в рутину нашей практики, в пределы некой капсулы Культуры. В свою очередь, неопознанное может оставаться невидимым (неслышимым и т. д.)

даже в том случае, когда мы регулярно проходим прямо сквозь его данность. Примерно так, как сквозь область радиационного излучения. Ретроспективный взгляд показывает, что многое в нашем окружении становилось реальностью для человека лишь по истечении долгого времени, нередко тысячелетий практического освоения мира. Правда, отчасти, как та же радиация, и скрытое от «специализированных» органов чувств способно воздействовать на человека. Не в последнюю очередь именно это обстоятельство позволяет объяснить их взаимозаменяемость: способность потерявшего слух композитора создавать волнующую миллионы музыки (заметим: не вибрации звука, но музыку), слепого ваятеля – потрясающие по своей точности скульптурные портреты (заметим и здесь: не точные анатомические копии, но внутренний мир портретируемого), поэта – бессмертные стихи...

Есть основание утверждать: мы наблюдаем не статику состояний, но прежде всего движение, не выхваченные из окружения вещи, но их проявления, не изолированные сущности, но связь, единение каждой в конечном счете со всеми другими. И, разумеется, с нами. Не что иное, как взаимодействие, всеобщая связь вещей – вот единственный, и единственно возможный предмет наших наблюдений. А значит, и всего познания в целом.

Здесь мы подходим к главному: часто в уже сложившейся картине мира трудно разглядеть даже хорошо знакомое каждому, тем более – вычленишь никому не известное, никем ранее не виденное. Например, ту же куздру. Однако каждый отчетливо сознает, что стоит той, пусть даже не очень штеко, будлануть какого-нибудь бокра, как она тут же проявит себя на фоне всех маскирующих сплетений действительного. Только движение контрастных контуров способно выделить нечто на общем фоне постороннего. Застывшая же данность, даже при доступном различении контрасте с неоднородным фоном, может оставаться невидимой, если нет никакого шевеления. (Наглядным примером могут служить и сегодня наполняющие Интернет «загадочные картинки», где среди избытка явного нужно отыскать что-то прячущееся: хищника от добычи, жуликов от полицейских, барышень от кавалеров...

Требуется серьезное сосредоточение, чтобы справиться с задачей, и не каждому удастся без подсказки найти искомое. Но обнаружив однажды, человек с легкостью находит его потом.)

Уже это подсказывает: первое знакомство с новым представляет собой не столкновение с необычностью статичных форм, но чаще всего (если не исключительно) с их неожиданным (как в «Благоговещении» А. Блока: «...И внезапно красные одежды / Дрогнули на золоте стены») изменением, другими словами, с тем или иным действием их обладателя. Отсюда и первым во всем том, что входит в арсенал узнанного, оказывается не абрис ранее незнакомого, в особенности если оно ограничено не слишком выделяющимися границами, но движение этих границ и, разумеется, те перемены, которые оно порождает в статичном окружении.

Между тем и воспринять действие можно только встречным действием; сохраняющая неподвижность сенсорики не способна к восприятию. Уже отсюда следует, что являющийся нам образ – это вовсе не пассивное состояние органической ткани, не мертвый отпечаток, кристаллизующийся на терминалах сенсорной системы, но по-своему организованный процесс, активный зондаж внешнего посыла, встречное движение к нему. Никакое восприятие никакого предмета не может быть сведено ни к чему страдательному, к простому следствию чужого касания ткани наших рецепторов. Это не механическая реакция праздного наблюдателя на независимое от него течение событий, но всегда активное, часто опережающее действие, которое способно менять ход вещей. Это всегда – и прежде всего – собственная активность субъекта. При этом особым образом организованная. Иначе говоря, структура встречного порыва должна каким-то образом подстраиваться под отличительные признаки воспринимаемого объекта или его свойства. Наглядным примером проявления этой произвольной (часто вообще неподконтрольной) настройки организма может служить жестикация, какой сопровождается слово в нашем общении с носителем чужого языка или в общении с кем-то через стекло. Заметим: мы обращаемся к такой «подтанцовке» произвольно, что-то властное в нас форсирует артикуляцию и принуждает к каким-то дополнительным

указующим телодвижениям. Лишь благодаря им «собеседнику» и открывается смысл наших посланий.

Другой, столь же наглядный, но куда менее доходчивый пример – это ощупывание модели уже упомянутым слепым скульптором: та точность, с какой передается портретное сходство и даже особенности ее характера, каждому, кто видел конечный результат, может показаться подлинным чудом. Если, конечно, не понимать, что сама душа мастера «терминалами» его пальцев способна воспринимать не только микроскопические детали рельефа, но и вступать в тончайший резонанс с константами психики портретируемого.

Уже эти примеры могут служить если и не доказательством, то по меньшей мере основанием утверждать, что все, казалось бы, таимое в глубине человеческого сознания, в той или иной форме выплескивается в (пусть и скрытое кожным покровом) физическое движение его плоти. И наоборот: физическое действие может не только активизировать специализированные органы восприятия, но и взволновать самую душу воспринимающего. Одно решительно неотрывно от другого. Как это может быть – неизвестно, но уже ребенок различает не только звук доносящихся до него слов.

Кстати, каждое из них может означать собой не только привычное, но и прямо противоположное формальному, закрепленному в словарях смыслу, если сопровождается особой интонацией, жестом, мимикой... Полная структура того, что в действительности воспринимается человеком, включает не только значения, но и мелодику, ритм, тональность, тембр и многое другое, что вообще не осознается им. Значимо все, и неслучайно отношение древних к письменной речи было совсем иным, чем у нас. Ведь и сегодня никакое письмо не в состоянии передать весь микрокосм живого звучащего слова. К тому же каждый из языков обладает своей собственной мелодикой, при этом отличают мелодику и слога, и слова, и фразы [см.: 14].

Тем более все сказанное значимо для ребенка, и возникающее к трем месяцам его жизни ответное гуление – это не что иное, как встречный поиск созвучий. Добавим, что это еще и первый шаг к постижению связи между правильно поставленным звуком и тем

чувством, которое действия родителя вызывают у младенца. Все следующее ведет к сплетению в единый узел звуков речи и ответных гулений, родительских манипуляций и порождаемых ими эмоций ребенка, найденных консонансов и рефлекторных ответов плоти входящего в мир человека на все совершаемое с ним. В конечном же счете – к эмоциональному, а там – и к полноценному знаковому контакту вообще. Поэтому поиск консонанса – это уже начало постижения мира, первый опыт формирующейся субъектности рождающегося человека. И уже здесь обнаруживается главное: в основе всего лежит не пассивное восприятие, но действенный ответ формирующегося организма на каждый (зрительный, тактильный, звуковой) посыл сначала родителя, а там – и Вселенной.

Первые ответы на вызов среды рефлекторны, их «словарь» ограничен, лишь опыт общения с миром научает входящий в мир организм обращению со сложным. Многие из его рефлексов формируются еще в утробе, и не вправе рассматриваться как что-то самостоятельное, независимое от течений жизни материнского тела. Новая жизнь просто встраивается в них. Но овладение базисом постепенно распаивает всю Вселенную.

Все сложное складывается из простого. На сегодняшний день таблица Менделеева включает 118 химических элементов. Из них в природе могут существовать только 92, остальные получены искусственным путем. Предполагается, что всего их может быть 170–175. Сопоставим эти величины с многоцветьем и многообразием мира... Компьютер, оперируя тремя базовыми цветами способен создать палитру, превосходящую возможности глаза обычного человека; из стандартных кирпичей можно построить... Прервем ряд за очевидностью вывода: все самые сложные потенции живого тела в конечном счете точно так же складываются из простейших, не разложимых далее элементов его общей структуры, и не будет преувеличением сказать, что в первооснове без исключения всех достижений человеческого гения лежит то же: состав включаемых в действие базовых структур органики и очередность их активизации, которая в конечном счете и выливается в видимое движение тела. Словом, все, даже самые невероятные проявления человеческого гения могут

быть представлены подобием партитуры, которой руководствуется большой симфонический оркестр. Разумеется, вся она обязана приниматься в расчет, и все же главное в общении с миром принадлежит не микроструктурам органов восприятия, но формулам сопряжения отдельных звеньев действенного ответа всей соматики. Образ внешнего порождается только всей цепью, что соединяет центры управления с терминалами исполнительных органов.

Так обстоит дело и в любом предложении, в любом знаковом послании: главенствующую роль играют не дискретные звуки, буквы, символы, но особым образом структурированные их последовательности, нормативный порядок их чередования. Утрата какой-либо части или деформация нормативной формы произношения может не только затруднить понимание: акушер, принимавший роды радистки Кэт, даже не зная русского, без труда мог уловить что-то чужое в ее криках, и если бы не Штирлиц...

То же и в восприятии текстов: практически все языки насчитывают лишь несколько десятков базовых символов; сотни, если речь идет о каких-то специальных сферах коммуникации. Словарный же состав даже впервые садящегося за парту человечка восходит к тысячам их сочетаний. В свою очередь, национальные энциклопедии, собирающие все богатства языков, – это уже десятки толстых томов. Таким образом, растворяющееся в них достояние всех национальных культур можно представить в виде бесконечного множества самых разнообразных сочетаний весьма ограниченной совокупности базовых элементов речи. Даже малейшее нарушение порядка их сочетаний недопустимо, и неслучайно одна из ключевых функций в подготовке к изданию любого текста принадлежит корректору. Неслучайно и могущественные государства придают функции особых центров речи отдельным органам правительственной печати, новостным программам радио, телевидения, другим институтам. И, конечно же, школе. Ведь, кроме прочего, все они призваны доносить до каждого нормативную форму произношения и написания слов. Именно так: обязательную для всех, ибо главная задача языка состоит в формировании единого субъекта на уровне всего социума. То есть превращение последнего не в рос-

сыпь отдельных особей, но в согласно действующий и согласно думающий организм [9, с. 3–31]. Единственным же инструментом коллективной мысли последнего является язык, т. е. те же коммуникационные системы.

4

Впрочем, дело касается не только восприятия звучащего слова, но и других форм знака. Строго говоря, человек не воспринимает и вещи как таковые, как что-то живущее своей собственной жизнью за границами его тела. Единственное, с чем он имеет дело при любом сенсорном контакте, – это алгоритмы самостоятельного построения их специфических копий, строительными же элементами служат простейшие формы движения собственной органики. Только после того как человек научается переводить формы внешних объектов на язык структурированного движения тканей собственного тела, он научается различать вещи на фоне окружающего мира.

Ребенок запоминает не форму и структуру узла, в который завязываются шнурки его ботинок, не взаимосвязь между пуговичкой и петлей в одежде, но механику, алгоритмы движения его собственных пальцев. Именно эти паттерны закрепляются в мышечной памяти входящего в жизнь малыша. Автор отчетливо помнит, как его первая учительница показывала, как пользоваться вставочкой, мастер ремесленного училища – держать резец при его заточке, боцман перед первым выходом в Атлантику – управляться со швартовыми концами, ротный старшина – мотать портянки...

Феномен зрительного восприятия мира подтверждает эту непростую для понимания истину. Только в обыденном сознании достаточно открыть глаза – и все стоящее перед ними тут же явит себя во всех подробностях. В действительности же нет ничего ошибочней подобной иллюзии мысли, человеческий глаз вообще не воспринимает внешний предмет как таковой, как что-то независимое от того, что вершится в глубинах нашей собственной психики. Ничто возникающее перед нами не является подобием отпечатков чернильных капель, по-разному расплывающихся на бумажном

листе. Каждому, прежде чем увидеть перед собой хоть что-то, необходимо овладеть совсем не простыми навыками отслеживания иррегулярных контрастов, границы которых и образуют контуры вещей, характерные подробности их абриса, распределение цветов их окраски и многое, многое другое из всего того, что доступно созерцанию.

В порядке иллюстрации этой мысли заметим: мало кому сквозь завесу густой листвы было дано увидеть таящуюся на ветвях русалку. А что если бы задачей было отыскать не деву с зелеными волосами и рыбьим хвостом, а вообще неизвестно что? Или, много страшнее, само место, где растёт чудесное дерево, вдруг оказалось бы точкой выхода в эфир какой-то вражеской радиостанции? Между тем тренированный глаз «чистильщика» из СМЕРШа способен справиться даже с такой задачей:

В раздумье я остановил взгляд на двух высоких орешинах и дубке шагах в пятнадцати. <...> Не без труда пригибая, я стал по очереди осматривать их и на второй орешине, на высоте метров четырех, в углублении развилки двух верхних ветвей, увидел то, что искал, – повреждение коры, свежий след – как пропилено, – забрасывали проволочную антенну с грузиком, а потом стягивали. В таком огромном глухом массиве силами всего лишь трех человек обнаружить на вторые сутки место выхода рации в эфир – все равно что углядеть иголку в стоге сена. Или выиграть сто тысяч по лотерейному билету. Мысленно я себе аплодировал; от радости мне хотелось хлопать себя по ляжкам и кричать: «Я самый великий!» [4, с. 14].

Напомним, именно с этой находкой начинают складываться первые детали общей картины грандиозной операции, исполнение которой будет поставлено на контроль в Ставке. Именно в эту минуту известная более чем тридцати языкам, на которые переведен знаменитый роман, «бабушка» начинает собираться в свой последний путь, чтобы прибыть аккуратно к самому завершению повествования...

Не всякому дано справиться с подобной задачей, это требует и особых талантов, и особой выучки, но каждый может испытать

себя на более простом. Достаточно выбросить прилагаемую к набору картинку и попытаться сложить несложный, из одной-полутора тысяч элементов, пазл, руководствуясь лишь бесконфликтным согласованием цветовых узоров на каждом кусочке и логикой продолжения уходящих за его пределы контуров неизвестно чего, что таится в других разбросанных на столе фрагментах целого. Это невероятно трудная, но при должной тренировке все же вполне разрешимая (добавим, увлекательная) задача. К слову, куда более легкая, нежели та, с чем сталкивается слепорожденный человек, который впервые после удачной операции по устранению врожденной патологии обретает способность видеть. Известно, что всё вдруг предстающее перед его глазами вызывает у него шок, доходит до острых болевых ощущений, и пациент пытается укрыться за заслонками век от безумия внезапно вспыхивающей перед ним какофонии цветов и мельтешения фрагментов неведомого. Только в результате упорных трудов он научается различать что-то, но полноценное зрение обретается не всегда и не всеми. Решение же головоломки хорошо моделирует работу здоровых механизмов зрительного восприятия.

Материалистически мыслящий готов согласиться с тем, что в любом проявлении «объективной реальности» нет ничего от нас. Это явление какой-то самодостаточной, живущей собственной жизнью сущности. Но следует понять и другое: всё то, что встает перед нами, – продукт сложной и сегодня еще не до конца ясной работы, что вершится в потаенных глубинах нашей же собственной плоти. Ни одно внешнее воздействие, если оно не сталкивается ни с каким структурированным ответом тонких структур сенсорного аппарата, не в состоянии сформировать у воспринимающего субъекта вообще ничего.

Интуитивное понимание этой истины можно найти у Блока в его речи о Пушкине: «На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры,

морские течения, растительный и животный мир» [2, с. 414]. Поэт же – «сын гармонии; и ему дана своя роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых – привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих – внести эту гармонию во внешний мир» [2, с. 415]. И можно утверждать: сказанное отнюдь не метафорично. Поэт говорил о том, что близко поэту. Но если связать и «волны эфира», и «звуки» с тем, что в действительности таит в себе наше тело, то многое встает на свое место: никакой образ никакого объекта не вправе рассматриваться как простой отпечаток внешних воздействий, это всегда что-то построенное нами самими. Разумеется, нечто внешнее должно наличествовать, но все же полноправным создателем его образа является только воспринимающий субъект.

Впрочем, еще задолго до Блока обо всем этом было сказано в трактате Беркли [1]. Так что же: любой из нас уже изначально обладает даром созидания? Любое восприятие любого посыла – начало самостоятельного творчества? Да! И сегодня это подтверждается результатами работы центров исследования мозга. Впрочем, до сих пор все сказанное касалось только первой сигнальной системы. А что со второй, третьей? В общих чертах – все то же.

5

Весь окружающий человека мир отражается в языке. Вот только сегодня необходимо добавить: понятием во всем спектре его производных – в письменности, изобразительных искусствах, музыке, компьютерных программах... Само сознание существует в формах внутреннего говорения, и «объемлющие вселенную» волны «на бездонных глубинах духа» – это именно его формы. Поэтому ничем не погрешив против истины, можно утверждать: язык является единственным «зеркалом», в котором отражается не только отсутствующее здесь и сейчас, но и реально существовавшее где-то там и тогда или долженствующее явиться во плоти где-то в будущем.

Таков словесный портрет, система описания внешности человека, которая была разработана в XIX в. французским антрополо-

логом А. Бертильоном, начальником антропометрического бюро при парижской полицейской префектуре. Именно он создал особый антропометрический метод для распознавания рецидивистов, и чтобы понять, как он работает, перечитаем страницы уже цитированного романа:

Коновалов?.. У Коновалова утиный нос... Головатенко?.. Татуировка на кисти левой руки... Яковлев Иван?.. Короткая верхняя губа... Мазанов?.. Пойман!.. Степанов?.. Высокий, худой, с выступающим кадыком... Шимко?.. Брюнет!.. Федулов?.. Брови извилистые, широкие, заметно косит... Елисеев?.. Иваницкий?.. Сердюк?.. Нетребин?.. Гуляев?.. Орлов Василий?.. Терентьев?.. Лисецкий?.. Поминов?..... [4, с. 80].

Так, чисто умозрительное представление Резерфорда о строение атома уже стало «вчерашним днем» физики.

Собственное строение и состав нашей культуры, собирательного Слова, не могут не отражать ключевые принципы организации всего окружения, в конечном счете – мироустройства. Но и упоминание зеркала в этом контексте неслучайно: существует стойкая вера в то, что отражаемое им остается на его глади даже в покидаемых нами комнатах. Но это не так: все тут же исчезает, даже тогда, когда мы просто отводим взгляд. Где нет наблюдателя, зеркала пусты. Язык, при всей неожиданности сравнения, – это род какого-то таящегося внутри нас зрителя. И важно понять: если каким-то несчастьем он вдруг покинет нас, в «зеркала» нашей памяти будет немедленно стерто практически все, включая самые дорогие нам лица. Возможно, останется мельтешение чего-то неведомого, смутные (часто болезненные) ощущения, подобные тем, что испытывает упомянутый выше слепорожденный, с которого вдруг снимают послеоперационную повязку... но исчезнет узнавание, человек полностью лишится своей субъектности, своего собственного «я». Наше «я» и этот «зритель» – одно и то же; именно он по заученным «словесным портретам» идентифицирует многое из никогда не встречавшегося ему.

Возможно, сказанное трудно понять. Но есть другое, пусть более слабое, но все же достаточное доказательство. Все знания

о мире мы получаем из научений старших, лекционных курсов, учебников, словарей, энциклопедий, наконец, из собственных размышлений. И если вдруг каким-то образом стереть все растворенное в знаковых системах, в нашем сознании не останется ничего, что выступало бы за пределы доступного инфузории.

Таким образом, если законы языка, понятого в широком смысле, – это универсальная форма отражения реальной действительности, допустимо утверждать, что, взглядываясь в его собственное строение, мы можем опознать и то, что остается недоступным ни нашим чувствам, ни (до времени) самым совершенным приборам. Ведь главное в постижении секретов окружающего мира не опознание вещей, но то, что связывает их друг с другом и нас с ними. Уже не раз упомянутая здесь связь вещей – вот цель и философский камень познания. Только обретение способности открывать ее наделяет каждого даром творчества.

Итак. С физической точки зрения внутренняя речь – это такая же сложно организованная работа, как и живое восприятие действительности, как и живое взаимодействие с ней. Это работа не абстрактной «памяти», а целостного организма, начиная с центральной нервной системы (ЦНС) и кончая всей периферией. Восприятие и самого предмета, и его знака активизирует всё в организме, в конечном счете волна первичного возбуждения достигает эпителиального слоя исполнительных органов. В свою очередь, только неотторжимость слова от дела обеспечивает координацию всех структур организма и одновременно формирует его субъектность, делает человека причастным к творчеству.

Еще в конце прошлого столетия было установлено, что самостоятельно исполняемое действие и простое наблюдение за ним со стороны активизирует одни и те же структуры головного мозга [16, р. 129–154]. А значит, и каналы периферической нервной системы (ПНС), словом, весь тракт. В точности тот же эффект вызывает и восприятие знака: мозг не различает, воспринимается физическая реальия или ее описание, взаимодействует субъект с чем-то действительным или наблюдает, читает, слышит, проговаривает какие-то слова во внутреннем разговоре с самим

собой. Реакция одинакова и одинаково интенсивна и, однажды сформированная, сохраняется на подпороговом уровне неопределенно долго (иногда всю жизнь). Она исчезает лишь тогда, когда что-то окончательно выпадает из нашего опыта, перестает быть его предметом.

Не в последнюю очередь одинаковость реакции на живой предмет и его знак обеспечивается внутренней архитектурой нервной системы. На первый взгляд она глубоко парадоксальна и далека от совершенства, если левые области коры головного мозга отвечают за реакции правой половины скелетно-мышечной структуры и наоборот. В действительности же именно такое перекрестное строение обеспечивает наиболее эффективную мобилизацию организма. Благодаря подобной топографии никакой канал прохождения сигнала не изолируется от других путей, напротив, все они сплетаются в единую сеть, делая возможным многомерное согласование и тонкую настройку единого же ответа на любой вызов среды. Реагирует не автономный орган, не частная подсистема, но организм как целое, и именно эти переплетения обеспечивают связность, целостность его самого. А следовательно, и более высокую эффективность любого ответа на вызов среды.

Таким образом, допустимо утверждать: образ, который встает перед нами, – это не «фотография» чего-то внешнего, не его «слепок», но внутреннее ощущение пульсации того тракта, по которому прокатываются волны поступательного возбуждения органической ткани навстречу внешнему раздражителю. Это внутренняя мобилизация, «репетиция» ответа, который, зарождаясь в глубинах ЦНС, активизирует каналы ПНС и в конечном счете переключает подпороговый режим в полномасштабную реакцию всех причастных к физическому действию отделов скелетной мышечной системы.

Словом, самоощущение именно этой встречной работы нашего собственного организма и есть образ того, что встает перед ним. (Впрочем, если это упомянутая здесь «фотография», то цепь всего возбужденного тракта – ее «негатив», если «слепок»,

то выполненный из материала микроструктур движения нашей же собственной органики.) Именно такое преобразование всего внешнего во «внутренний» образ и порождает вечное сомнение мыслящего существа в том, что видимое и истинное, феномен и ноумен – строго комплементарны друг другу.

Пассивное же восприятие, когда ничто в организме не отвечает внешнему раздражителю, в принципе не способно сформировать ничего; любое представление субъекта о чем-либо вне его возникает лишь как собственный ответ миру. Формирование же способности к такому ответу начинается еще в пренатальном состоянии, и единственным материалом, из которой создается любой новый образ-ответ, служит вся сумма уже сложившихся цепочек встречного поступательного возбуждения органики. Переплетения и заимствования, использование отшлифованных практикой фрагментов постоянно накапливаемого опыта ответа на любой внешний посыл – вот единственный материал, который имеется в распоряжении живого тела. Именно этот материал и эта практика согласования позволяют всему новому и неизвестному бесконфликтно вписываться в ту картину мира, которую, не прерываясь ни на мгновение, строит и перестраивает субъект и которая одновременно создает и развивает его самого.

Всё начинается с предельно простого не только в общей эволюции живой природы (клетка, многоклеточное, животное, человек...), но и в воспринимающем ее мире чувств, и, далее, в мире творческой мысли. Сначала все как в детской считалке: «Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая; палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек». И лишь потом – «чистейшей прелести чистейший образец». Дальнейшее развитие всех представлений о мире обусловлено тем, что однажды возникшая цепь встречной активности продолжает обогащаться структурными элементами новых и новых связей. Вот только повторим: однажды вызванная к жизни, она не прекращается тотчас же по завершении действия на внешнем контуре, но в каком-то скрытом подпороговом режиме, пусть и затухая, продолжает вибрировать неопределенно долгое время не только в управляющих центрах нервной системы, но и на

эпителиальном слое рабочих органов тела. В каких-то из них – всю жизнь. Возможно, отсюда и берут свое начало представления об интериоризированной деятельности живого организма, о которой писали Л. С. Выготский [7], Л. М. Веккер [6] и др.

Таким образом, внутри организма выстроенные из отдельных звеньев формы структурированной активности, суммируясь, порождают модель всего внешнего окружения. Развиваясь и совершенствуясь, она поступательно вбирает в себя накапливаемый опыт и становится специфическим отражением всей суммы взаимодействий субъекта и среды. Иначе говоря, рождается складываемая из материала самоощущений копия того островка действительности, в пределах которого замыкается любая частная жизнь.

Вхождение в нее орудия постепенно перекрашивает эту модель в иные цвета; оно преобразует не только формы чувственного и практического взаимодействия с окружением. Становящееся послушным, орудие, во многом благодаря «перекрестной» организации управления, радикально меняет структуру движения всех тканей живого тела, а следовательно, и представление о внешнем предмете. С накоплением же орудийного фонда сумма представлений о мире, до того формировавшихся исключительно из самоощущения движения собственных тканей, начинает вбирать в себя взаимодействие внешних, непосредственно не связанных с действующим субъектом начал. Проявлять не только контуры и раскраску внешних явлений, но и скрытую структуру всеобщей связи вещей.

Со временем практически любое средство становится полифункциональным, а значит, в каждой своей роли начинает использоваться по-своему. К тому же формируется целая система разнообразных орудий, опыт использования которых обогащает всю сумму самоощущений действенной связи субъекта с миром. А значит, и в каждом взаимодействии незримо участвует опыт бесчисленного множества других взаимодействий, преследующих другие цели и отстоящих от данного во времени и пространстве. Словом, весь опыт. Но всякий раз весь он настраивается по-своему, под решение конкретной задачи. Именно так рождаются и новые

технологии, и новые абстракции всеобщей связи вещей, таинственной материи, что на тысячелетия станет главной и единственной целью познания.

6

Впрочем, вхождение первых орудий и порождаемые этим фактом следствия – только предтеча творчества, его пренатальное состояние. Подлинное пробуждение происходит лишь там, где в структуре частного процесса появляется цепь взаимосвязанных средств, когда условием применения одного становится предварительное действие другого.

В этом случае внутренний образ в еще большей степени отрывается от всего внешнего. Мало того, уже самая простая связь технологически зависимых орудий рождает новые, до того не существовавшие в природе реалии, и эти реалии постепенно преобразуют всё собираемое жизнью человека. Но орудия первого порядка (камень, палка и т. п.) – это не более чем продолжение тела; только другое средство порождает феномен объект-объектных взаимодействий. Взаимосвязь же искусственно созданных вещей неизвестна природе. Она первозданна, и именно в этой первозданности кроется начало новой формы движения – культуры.

Серпом можно собрать урожай. Но лишь его связь с молотом рождает горное производство, металлургию, металлообработку – все, что встает между ними. Даже такие монстры абстрактной мысли, как построения классиков немецкой философии, которые в принципе невозможно передать «ни кратко, ни популярно, ни тем более по-французски», в конечном счете нисходят к предельно простым чувственным восприятиям. Но их результат возносится над природой. Более доступные даже ребенку химеры (русалки, избушки на курьих ножках), а получившему хорошее образование интеллигенту – и построения квантовой механики в конечном счете порождаются все тем же порывом органики навстречу внешнему миру. Проще говоря, все теми же формами трансцендентально-го единства апперцепции. Но порождаемое этим порывом встает над любой формой и вещественности, и органики. Таким образом,

появление даже простейших систем технологически зависимых друг от друга орудий – это не только рождение техниума (термин, введенный в оборот Дэном Брауном [3, гл. 96] – одновременно с ним возникает феномен речи и всех производных от нее форм коммуникации. Только Слово способно создавать новые, над-вещественные, реалии.

Да, последующее тиражирование инженерных находок делает возможным переход от непроизвольного воздействия на среду, подобного отпечатку стопы на почве, к направленному, целевому ее формообразованию. Но это происходит лишь там, где становится возможной регулярная передача их над-вещественной тайны другому субъекту. Единственным же способом такой передачи становится знак; именно и только он формирует целостность нового организма – социума. В свою очередь только социум оказывается и единственным носителем всех знаковых систем.

Итак, все явления внешнего мира, перекодированные языком встречных реакций субъекта, замыкаются во внутреннем самоощущении его «я», и собирательный человек становится микрокосмом не только метафорически. Отсюда и действительное познание человека – это не простое отражение уже существующего, но активный поиск пути в переплетениях всеобщей связи вещей, которая пульсирует в нем же самом в виде подпороговых возбуждений его собственной плоти. Отсюда и все наития первобытного сознания (впрочем, и современного тоже) – это обнаружение в перекрестьях управления исполнительской периферией каких-то новых возможностей, формирование новых трасс.

Сказанное можно пояснить простыми иллюстрациями. Дорога, ведущая к чему-то на другом берегу реки – это путь к ближайшему броду, переход, возвращение, продолжение пути уже на той стороне... Появление парома, вооруженного веслами или канатом, преобразует не только транспортную сеть местности, но и жизнь ее обитателей. Последовательное выполнение всей цепи преобразования простой болванки в готовое сложное изделие одним мастером возможно только при высокой его квалификации. Перемещение ее на ленте конвейера от одного исполнителя к другому, каждый из

которых способен выполнить лишь простейшую операцию, позволяет существенно сэкономить не только на обучении персонала. Конвейер Форда вызвал настоящую революцию в организации мирового производства.

Простая географическая карта способна подсказать специалисту, как можно оптимизировать дорожную сеть, проложив в дополнение к кружным путям радиальные... Да, возможно, для этого нужно наводить переправы и рыть туннели, но выигрыш – бесспорен. Творческий поиск подобен организации именно таких коммуникационных линий, которые соединяют своим аналогом «переправ», «туннелей», «конвейерных лент» уже наличествующие. К тому же и первые орудия – это простое «продолжение» тела действующего субъекта – множась и множась, срастаются с человеком, становятся частью его ментального «я». При формировании же систем более высокого порядка каждое следующее средство оказывается результатом работы предыдущего или всей предшествующей цепи, делают частью нашего «я» связь вещей. В результате и эта таинственная стихия перестает быть чем-то внешним, она проникает в самые глубины органики, сливается с ней.

Остается добавить, что и предельно простая цепь, развиваясь и совершенствуясь, постепенно вбирает в себя необозримое число предмет-предметных взаимодействий (здесь уже упоминалась отнюдь не метафорическая связь серпа и молота). Впрочем, едва ли чудеса великого в малом кончаются на этом: до появления мыслящего субъекта все эти цепи были неведомы и макрокосму. Поэтому дело не исчерпывается простым вращением предмет-предметных зависимостей в органику человека – сам человек срастается с ролью демиурга.

Продолжим. С формированием второй сигнальной системы любое впервые выполненное кем-то одним действие может быть воспроизведено другим. Правда, результат не будет содержать в себе ничего нового, и если бы всё содержание общения сводилось только ко второй сигнальной системе, т.е. к передаче уже известного одному – многим, возможность развития была бы исключена. Од-

нако и творчество невозможно вне общения. Поэтому только третья сигнальная система, помимо указания на отсутствующее «здесь и сейчас», порождает все то, что выводит человека в сферу принципиально новых измерений действительности. Или (по меньшей мере) придает новый смысл старым представлениям.

Материализованный продукт второй сигнальной системы (чертеж, технологический рецепт и т. п.) нетрудно перевести на язык машинных команд, представить последовательностью вполне материальных форм. Предмет третьей – уникален. Да, он может быть представлен знаком, но только его «телом», скрытое же значение каждый раз формируется самим воспринимающим, и, как пазл, строится только из рассыпанных по всему полю памяти фрагментов нашего собственного опыта. Ни значение знака, ни способ его воплощения в материале не могут быть зафиксированы ни в чем вещественном. Равно как и ни в чем конечном, однозначно понимаемом всеми. Алгоритмизировать рождение новой культурной ценности невозможно. В противном случае мы бы уже давно «вычислили» все наше будущее.

Правда, перекрестья общей системы управления органикой делают «фоном» любой коммуникации весь опыт реципиента, а это означает неизбежность и «разночтений», и внесения чего-то своего в воспринимаемый материал. Любая новая информация порождает штормовой всплеск энергии поиска адекватного ответа в уже сложившихся нейронных сетях, в конечном счете – во всем организме... Результатом становится рождение каких-то своих нюансов в понимании нового. Да, результат практически всегда будет нести отличия от оригинала. И все же там, где новое принимает форму Слова, открывается возможность появления некоего инварианта, благодаря чему все порождения третьей сигнальной системы со временем становятся достоянием второй. К тому же такие погрешности обмена имеют и свои достоинства – во многом благодаря им накапливается материал новых открытий и новых решений.

С третьей сигнальной системой мы сталкиваемся повсюду, где воплощается результат творчества, только она выводит человека

в иные измерения создаваемого им самим мира. Обыденный пример иллюстрирует отличия: воспринимаемая взглядом россыпь типографских знаков активизирует первую сигнальную систему, сюжетная линия повествования – вторую. Но собственно художественный образ не сводится ни к чередованию литер, ни к сюжетным построениям, а значит, может быть создан (и прочитан) лишь с помощью третьей. А здесь ключевым инструментарием становится не только активность нейросети субъекта, но и что-то иное, неизвестное «биологии» – самодвижение развивающегося «я» читателя, зрителя, слушателя.

С третьей сигнальной системой мы встречаемся не только на выставках и в музеях. Она включается в действие всякий раз, когда мы сталкиваемся с любой формой неизвестного, в том числе и с усвоением любого учебника, любой ценности, к какому бы виду творчества она ни относилась. Способность формировать, передавать и переводить на язык действий ее знаки и создавать новые становится высшим достижением природы, порождающей человека, в свою очередь, умение действовать в соответствии с новациями – высшим даром, которым обладает сам человек. Это и есть начало нового этапа всемирной истории, начало Культуры.

7

Но только ли разночтения новых смыслов порождают творческий порыв, и только ли к согласованию ранее неизвестного с элементами собственного опыта сводится творчество во всех искусствах и в постижении всеобщей связи вещей науками?

Обратимся к тому, что на первый взгляд кажется предельно простым и очевидным. Активизация органических тканей не может не порождать движение, последнее – каких-то специфических излучений. Излучает любое движущееся тело, в особенности – движущееся с ускорением. (К слову, существуют ли вообще тела, не испытывающие ускорений, т. е. не подвергающиеся никаким внешним воздействиям, и траектории равномерного прямолинейного движения?) Между тем любое ускорение в моменте – это скачок от нуля к бесконечности. А значит, даже движущееся с постоянным ускорением

тело не может не кричать о себе на весь мир, с переменным – тем более. При этом нетрудно предположить, что излучают не одни нейроструктуры, но без исключения вся органика.

Еще Древний Восток говорил о существовании неких эфирных, до-физических тел, которые действием вихрей Космоса обретают формы живых существ. В наше время импульс развитию этих представлений дали исследования супругов Кирлиан, которые еще в 1939 г. создали методику фиксации специфического свечения ауры [12]. К слову, свечение может достигать такой интенсивности, что становится доступным зрению, и нимбы святых на старых иконах, как кажется, говорят об этом. История получила продолжение в исследованиях К. Бакстера, которые проводились в 1960-х гг. и привели к созданию полиграфа. Но что может представлять излучение, если речь идет о движении фундаментальных, т.е. не имеющих никакой внутренней структуры, частиц?

О фундаментальных элементах (воздух, огонь, земля и вода) говорил еще Эмпедокл. Лейбниц ввел в оборот представление о монадах. Следующим шагом был атом, открытие его ядра и электронов. Но обнаружилось, что и ядро состоит из протонов и нейтронов. В XX столетии возникли представления о кварках. Сегодня известно (вместе с античастицами) более 350 субатомных форм вещества. Но есть ли среди них действительно элементарные?.. Впрочем, и познание не завершено.

Уже мгновенный переход от нуля к бесконечности представляет род сингулярности, нечто такое, где не работают привычные законы ни физики, ни математики. Добавим, что речь идет еще и о бесконечно малых объемах, где обращаются в ноль и пространство, и время... Куда именно в этих границах должна устремиться излучаемая частица, не имеющая никакой внутренней структуры?

Но прежде всего: ноль – это не абсолютная пустота и даже не бесконечно малый объем. Это точка мгновенного перехода в совершенно иную реальность, где меняется метрика всего: и вещества, и пространства, и времени. А значит, траектория скольжения нулевой сущности в нулевом пространстве и нулевом времени не может быть простым продолжением оси условного кия, который

приводит в движение условный же бильярдный шар. Кий бьет в заранее выбранную точку, в то время как импульс, сообщаемый бесструктурному телу, обязан восприниматься без исключения всей его поверхностью. А следовательно, и направиться оно может лишь по всем возможным траекториям, сразу во всех направлениях.

В органике действующего субъекта излучает все, но единственным центром сплетающихся в плотное облако излучений остается он сам. А значит, именно он оказывается и «вместилищем» всех мгновенно распахивающихся перед ним пределов. Обнимаемое ими вбирается субъектом в себя и становится элементом его собственной информационной базы. К тому же он обретает способность видеть любую сущность одновременно во всех возможных ракурсах и, следовательно, опознавать обладателя не только статичных, но и постоянно меняющихся форм. (К слову, а как вообще возможно опознание, если объект никогда не является наблюдателю в одном и том же виде?)

Повторим: в нулевом интервале распахивается не только пространство, но и время. Без исключения всё оно, со всем прошлым и предстоящим, сжимается в такую же точку, как в бытующем поверье о том, что в последнее мгновение жизни перед умирающим проносится все, что было в ней. Как застывающий в нулевом времени фотон воспринимает все миллиардолетия проносившейся мимо него истории... Поэтому внезапное столкновение бесструктурной частицы с чудовищностью всей массы иной действительности, парадоксальностью метрики ее пространства, ее времени, не может не сообщить монаде обратный импульс. Но и встречный должен восприниматься ею точно так же: всей поверхностью и всей массой. А следовательно, взрывным образом вобрав в себя бесконечное, она так же мгновенно должна вернуться в точку своего старта... Словом, мгновенное ускорение и мгновенный же возврат, – это еще и зондаж окрестностей.

Упоминание монады неслучайно: понятие таким образом мгновенное ускорение сближает частицу именно с той, о которой говорил Лейбниц. Мельчайшей единицей мира, которая вмещает в свои собственные пределы всё сущее: «...в наималейшей части

материи существует целый мир творений, живых существ, животных, энтелехий, душ. Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд» [13, с. 425]. При этом основной ее характеристикой остается абсолютная простота: «Монада... есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей... Эти-то монады и суть истинные атомы природы...» [13, с. 413].

Возможно, именно такие взаимопереплетения взрывных излучений бесструктурных тел обеспечивают непрерывную калибровку всех форм движения на макроуровне, согласование их с фундаментальными законами бытия. Благодаря им все траектории движения уже структурированного вещества оказываются вынужденными «притираться» друг к другу, как притираются части точного механизма.

Перед органической же тканью открывается возможность провидения и выбора, благодаря чему существо обретает субъектность. Все мироздание ежесекундно вливается в микрокосм любого тела. Поступательная же дешифровка посланий мироздания зарождающейся жизни происходит благодаря встречному порыву, который вбирает в себя и уже накопленный опыт, и содержание уже усвоенных ею знаковых систем, богатство собирательного Слова...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Сочинения. М. : Мысль, 1978.
2. Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. М. : Правда, 1971.
3. Браун Д. Происхождение. М. : АСТ, 2018.
4. Богомолов В. Момент истины.
5. Вайнберг С. Открытие субатомных частиц. М. : Мир, 1986.
6. Веккер Л. М. Психические процессы : в 3 т. : Изд. ЛГУ, 1981. Т. 3.
7. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М. : Изд-во Акад. пед. наук, 1960.
8. Елизаров Е. Д. Слово и мироздание. СПб. : [Б. и.], 2020.
9. Елизаров Е. Д. Слово и мироздание // Научные труды / Институт имени И. Е. Репина. Вып. 51 : Вопросы теории культуры. 2019. С. 3–31.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 23. М., 1960.

11. *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
12. *Кирлиан В. Х., Кирлиан С. Д.* В мире чудесных разрядов. М. : Знание, 1964.
13. *Лейбниц Г. В.* Соч. : в 4. т. М. : Мысль, 1982. Т 4.
14. *Николаева Т. М.* Мелодика речи // БСЭ. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
15. *Павлов И. П.* Условный рефлекс // Павлов И. П. Полн. собр. соч. 2-е изд. М. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. Кн. 2.
16. *Prinz W.* Perception and Action Planning (Восприятие и планирование действий). *European journal of cognitive psychology.* 1997. P. 129–154.

REFERENCES

1. Berkeley, G. *Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge.* In Berkeley G. Sochineniia. Moscow, Mysl', 1978. (In Russian).
2. Blok, A. *Collected Works.* 6 vols. Moscow, Pravda, 1971, vol. 4. (In Russian).
3. Brown, D. *Origin.* Moscow, AST, 2018. (In Russian).
4. Bogomolov, V. *The Moment of Truth.* (In Russian).
5. Weinberg, S. *The Discovery of Subatomic Particles.* Moscow, Mir, 1986. (In Russian).
6. Vekker, L.M. *Mental Processes.* 3 vols. LGU, 1981, vol. 3. (In Russian).
7. Vygotsky, L.S. *The Development of Higher Mental Functions.* Moscow, Izd-vo Akad. pedagogicheskikh nauk, 1960. (In Russian).
8. Elizarov, E.D. *Word and the Universe.* St Petersburg, [B.i.], 2020. (In Russian).
9. Elizarov, E.D. *Word and the Universe.* Nauchnye trudy Sankt-Peterburgskoi akademii khudozhestv (Scientific Papers of St Petersburg Academy of Fine Arts), 2019, no. 51, pp. 3-31. (In Russian).
10. K. Marx and F. Engels. *The Collected Works.* 2 ed. Moscow, 1960, vol. 23. (In Russian).
11. Kant, I. *Critique of Pure Reason.* Moscow, Mysl', 1994. (In Russian).
12. Kirlian, V. Kh., Kirlian, S.D. *In the World of Wonderful Discharges.* Moscow, Znanie, 1964. (In Russian).
13. Leibniz, G.W. *Soch.* 4 vols. Moscow, Mysl', 1982, vol. 4. (In Russian).
14. Nikolaeva, T. M. *Speech Melody.* BSE. 3 ed. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1969–1978. (In Russian).
15. Pavlov, I. P. *Conditional Reflex.* In Pavlov I. P. Poln. sobr. soch. 2 ed. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 3, pt. 2. (In Russian).
16. Prinz, W. *Perception and Action Planning.* *European journal of cognitive psychology,* 1997, pp. 129–154.